

К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. Ф. МАРТЕНСА

В 2010 г. исполняется 165 лет со дня рождения выдающегося российского ученого, общественного деятеля, дипломата, международного арбитра и консультанта Ф. Ф. Мартенса. «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» в 15 томах и оригинальный двухтомный курс профессора Мартенса «Современное международное право цивилизованных народов» являются яркими жемчужинами в научном юридическом наследии. При вступлении на кафедру международного права в Санкт-Петербургском университете Ф. Ф. Мартенсом была прочитана лекция, текст которой предлагается вниманию читателей.

Ключевые слова: международное право, университетская наука, дипломатическая работа, вступительная лекция

Имя Федора Федоровича (Фридриха-Фромгольда) Мартенса (1845–1909) давно и прочно вписано в историческую летопись российской и мировой юридической науки. Удивительны многогранность этой личности, масштаб его таланта, профессионализма, работоспособности. Профессор императорского Санкт-Петербургского университета, преподававший также в Училище правоведения и Александровском лицее, активный общественный деятель, член совета министра иностранных дел Российской империи, представитель России на различных международных конференциях (в Гааге, Портсмуте, Женеве и др.), член Постоянной палаты (с 1899 г.) Третейского суда, активный сотрудник созданного в 1873 г. в Генте Института международного права, член многих российских и иностранных научных обществ, учреждений, академий – вот далеко не исчерпывающий перечень сфер деятельности Ф. Ф. Мартенса. Послужной список Ф. Ф. Мартенса свидетельствует, к примеру, что в 1888 г. он также принимал участие в работе Комиссии для пересмотра действующих в империи законов о евреях, в 1890 г. представлял Россию в Брюсселе на конференции по борьбе с работоторговлей.

Студент юридического факультета И. Э. Грабарь в марте 1893 г. писал своему брату (В. Э. Грабарю) о профессоре Ф. Ф. Мартенсе: «Сам он питомец университета и ровно 30 лет тому назад вступил в эти самые стены бедняком и круглым сиротой, и, несмотря на то, знаниями, приобретенными в этих же стенах, и характером, выработанным в этих же самых аудиториях и коридорах, он пробил свою дорогу и сделал то, что считал нужным сделать. Мы, выходя из университета, в большинстве случаев не имеем ни бабушек, ни тетушек, влияющих на сильных мира, и можем полагаться только на свои силы, знания и труд. Он, Мартенс, знает, что такое труд, энергия, надежды и вера в свои силы, и вот почему мы, студенты университета, для него в тысячу раз дороже привилегированных питомцев „заведений“ (Училища правоведения и Александровского лицея. – Н. З.)».

Научное наследие Мартенса составляет около ста работ (монографии, учебники, сборники, доклады, статьи, рецензии и пр.); многие из них переведены на иностранные языки. Его кандидатское сочинение (в то время – выпускная студенческая работа) было посвящено отношениям между Россией и Османской империей в правление Екатерины II, магистерская диссертация называлась «О праве частной собственности во время войны» (СПб., 1869), докторская – «О консулах и консульской службе на Востоке» (СПб., 1873). Огромную известность и признание автору принесло издание «Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» с историческими справками и пояснениями в 15 томах (СПб., 1874–1909). По праву первым самостоятельным и полным руководством по международному праву называют его курс «Современное международное право цивилизованных народов» в двух томах (СПб., 1882–1883), переиздававшийся впоследствии несколько раз, в том числе за рубежом.

Концептуально Ф. Ф. Мартенс был близок позитивистам, однако своими задачами он видел не только констатирование и описание действовавших норм и учреждений, но и историческую реконструкцию их развития, а также выяснение их социальной обусловленности. Перспективным изучение межгосударственных отношений он находил только в их естественной связи с юридическими учреждениями отдельных государств и разнообразными (духовными, экономическими и др.) интересами и потребностями общества. Мерилом интенсивности участия государства в международных отношениях для ученого выступала степень свободы личности: только государство, в котором личность получила признание своих прав, может стать членом правильно организованного международного общения.

Публикуемая работа Ф. Ф. Мартенса представляет собой лекцию, прочитанную 28 января 1871 г. при вступлении на кафедру международного права Санкт-Петербургского университета. Она была напечатана в «Журнале министерства народного просвещения» (1871. № 6) – существовавшем с 1834 г. официальном издании этого ведомства.

*Публикацию подготовила
кандидат юридических наук, доцент кафедры
истории государства и права УрГЮА
Н. Н. Зипунникова.
E-mail: zipunnikowa@yandex.ru*

Ф. Ф. Мартенс

О ЗАДАЧАХ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Милостивые государи! Не без некоторого смущения приступаю я в настоящее время к преподаванию науки международного права. Когда два из наиболее цивилизованных народов Европы находятся в ужасной войне между собою, когда накопленные в течение веков плоды мирного труда и соревнования на поприще торговли и промышленности погибают в вихре возбужденных до крайнего ожесточения народных страстей, когда, наконец, общепризнанные начала международного права часто попираются ногами, – тогда многие идеи о мирном и прогрессивном развитии народов, кажется, должны пасть пред симптомами противоположного порядка вещей. Право, определяющее международные отношения и служащее гарантией развитию народов, по-видимому, лишилось всякого авторитета. Когда, таким образом, на наших глазах совершается глубокий переворот в международной жизни, у всякого мыслящего человека понятным образом возникает вопрос: где найти мерило для уразумения современных международных отношений и столкновений и что говорит та наука, которая избрала своим предметом международную жизнь? Предвидела ли наука международного права те коренные изменения, которым подвергались в течение настоящего столетия международные отношения, и подготовила ли она те формы, в которые, естественным образом, может вылиться современная международная жизнь? К сожалению, я должен сказать, что наука международного права далеко отстала в своем развитии от быстротекущей международной жизни и от других политико-юридических наук. Причина тому заключается отчасти в самом существе международного права, но главным образом в тех приемах и в том методе, которым

следовали до сих пор представители этой науки. Поэтому, приступая к предмету наших занятий, мне кажется необходимым представить вам, милостивые государи, краткий очерк исторического развития международных отношений и права; затем я обращусь к истории науки и, наконец, на основании всего предыдущего выясню мой собственный взгляд на ее значение и современное положение.

I

В государстве человек находит действительную гарантию для своей безопасности и условия полного своего развития. Недостаточность индивидуальных сил и невозможность для неделимого устоять в борьбе с ограничивающими его влияниями окружающего внешнего мира указали на необходимость общения с другими и привели человека к организованной государственной жизни, под одну верховную власть. Государство охватывает всю народную жизнь, и государственная власть устраняет все препятствия, встречаемые человеком на пути к достижению разумной цели своей жизни: всестороннему развитию физических, интеллектуальных и духовных своих способностей. Однако государства никогда не были и не могут быть вполне изолированными друг от друга, хотя внешняя форма общежития человечества заключается именно в разделении народов, и только при таком распаде человечества на отдельные, друг от друга независимые народы может совершаться культурное развитие человеческого рода. Но, как мы увидим впоследствии, это множество народов, составляющее *форму* человеческого общежития, не может существовать в ущерб его внутреннему *содержанию* и *цели*. Содержание же общения народов есть международная их жизнь, и цель его развивается из цели человеческой жизни. А так как цель жизни есть также высшая цель всего права, то очевидно, что и сущность международная права заключается в совокупности юридических норм, определяющих условия разумного и целесообразного существования народов в их внегосударственной или международной жизни.

Иначе относились к факту существования множества народов культурные народы Древнего мира. *Односторонность* и *исключительность* – вот основной принцип их жизни и истории. Они не имели понятия о существовании государств в мирном обществе народов; между народами не существовало тогда ни духовных, ни материальных связей и интересов.

Государство было исключительным центром всей народной жизни, и человек только как член государства имел право на свое человеческое достоинство и свободу. Кто не был гражданином, был врагом, и в римском праве имелось только одно слово – *hostis* – для выражения понятия врага и иноземца. Античное государство не знало современных, роскошно развивающихся социальных отношений, и потому политическая жизнь древних народов была все-таки весьма узка и одностороння. Для Сократа в Афинах не было места. Очевидно, что при господстве подобных идей о государственной жизни и при таком отрицании необходимости международных отношений война должна была явиться нормальным и естественным состоянием древнего мира, и потому, говоря словами Огюста Конта, «мораль древних, как и их политика, были в высшей степени воинственны». Только посредством войн и завоеваний народы приходили в более близкие отношения, и в них заключались те пути, по которым культура распространилась в древнем мире от одного народа к другому. Войною жили классические народы древности, и *сила* была господствующим началом древнего мира.

Римскому народу, в частности, было предназначено возвести в принцип право грубой силы и разрушить таким образом этическую основу международного права. Стремление римлян к всемирному владычеству, непризнание за другими народами никакого права на самостоятельное и своеобразное преследование своих индивидуальных целей вызвали их на нескончаемые войны, в которых они всегда проявляли беспощадную жестокость и насилие. Самое стремление Рима к абсолютному господству над всеми народами мира

заключает в себе отрицание международного права в самом принципе. Все народы были только материалом для осуществления заветной мысли, зародившейся и осуществившейся в стенах Вечного города. Поэтому нечего искать правил для определения современных международных отношений у народа, в жизни и праве которого господствует один основной принцип – всепоглощающий эгоизм. Римляне действительно знали *jus gentium (quod commune omnium hominum)*, но нет сомнения, что они не имели понятия о *jus inter gentes*, или о международном праве в современном смысле. Однако международное право, как и право вообще, коренится, в конце концов, в человеческой природе, и присущие человеку идеи правды и справедливости никогда совершенно не исчезают под подавляющим влиянием внешнего мира. И если нет в складе окружающей государственной жизни действительной опоры для ограничения произвола, если право состоит в силе, тогда только религия и знание выступают за уважение человеческой личности и требуют смягчения варварских обычаев войны. Поэтому в религиях древних народов мы встречаем действительно несколько зачатков идеи гуманности и сознания общечеловеческой связи; а стоицизм, развивавшийся перед падением всемирного владычества Рима, выражается в словах поэта: «*Homo sum – humani nil a me alienum puto*».

На развалинах Римской империи воздвигнуто было мозаичное здание государственной жизни средних веков. Руководящими его строителями были, с одной стороны, юные народы, пришедшие с севера Европы и положившие конец римскому могуществу, а с другой – христианство и впоследствии Римско-католическая церковь. Отличительным признаком этих народов был индивидуализм, то есть полнейшая автономия индивидуума и признание во всяком человеке, к какому бы он народу ни принадлежал, права на личное, самостоятельное развитие, на жизнь и честь. В последовательном своем развитии этот индивидуализм привел к феодальной системе, в которой единство государства приносилось в жертву единичной воле индивидуумов, где неделимые имели больше значения, чем все целое. Феодализм, зная только лицо как субъект права, нарушение которого оно преследовало самоуправно, должен был привести к раздроблению государства на самые мелкие единицы, в которых опять выступает на первый план личная необузданная воля. Одним словом, полное самоуправство является результатом господства принципа индивидуализма и феодальной системы. Понятно, что при таком состоянии государственной жизни международные отношения выражались в постоянных войнах, и война является, по словам Лорана, законом феодализма.

Другим фактором средневековой жизни был католицизм. Между тем как государства Древнего мира считали войну естественным состоянием между народами, христианство, не отрицая справедливой войны, восхваляет мир и настаивает на сознании единства человеческого рода. Следовательно, основные идеи христианства о мире, человеколюбии и т. п. заключают в себе отрицание односторонности и осуждение чувства самоудовлетворения, которыми отличались античные народы. Но ошибочно было бы искать дальнейшего развития этих великих идей в каноническом праве Римско-католической церкви. Католицизм знал только верующих в его непогрешимость; против иноверцев им были разрешаемы и применяемы всякого рода жестокости и пытки. Вечная война была объявлена еретикам и неверующим со стороны могущественной Римско-католической церкви.

Вся средневековая жизнь исчерпывается, наконец, борьбой между Римским Папою и германским императором; в течение этой борьбы как папа, так и император стремились к уничтожению национальной независимости народов. Когда в конце средних веков католическая церковь потерпела полную неудачу в своем стремлении к верховному владычеству над миром, когда религия превратилась в санкцию всякого варварства и угнетения, тогда сама жизнь должна была представить элементы для дальнейшего развития права. И вот основание феодальной системы – уважение индивидуальности человека и его свободной воли – легло в основание поступательного выяснения право-

сознания народов в их государственной международной жизни. Подобно тому, как отношения вассалов к сюзеренам определялись договорами, договорное начало водворялось также в международных отношениях. Таким образом возникли многочисленные торговые трактаты и развивались торговые и промышленные отношения между народами, и современному торговому праву положено было прочное основание. После Крестовых походов торговые и международные сношения итальянских республик принимают все большие размеры; на Востоке учреждаются консульства и купеческие конторы; с магометанскими народами заключаются замечательные соглашения или капитуляции. Мир христианских народов, очевидно, оказался слишком тесным для удовлетворения всех человеческих потребностей, и баснословные богатства Индии сделались, наконец, доступными европейским народам. Таким образом расширился кругозор народов и поприще их мирного соревнования. На севере Европы учреждается могущественная Ганза, соединявшая посредством материальных интересов народы в общих социальных и международных стремлениях.

В то же время в государственной жизни верховная власть воевала против самоуправления и феодального порядка. Государство неудержимо стремилось к осуществлению своей идеи – к соединению неделимых в одно органическое целое; религиозные, духовные и промышленные связи и интересы, напротив того, сближали народы и постоянно расширяли круг их сношений для удовлетворения их потребностей. Реформационное движение XVI столетия привело к торжеству верховной власти, к уничтожению разлагающего влияния католицизма и, наконец, к ужасной Тридцатилетней войне. В Вестфальском мире 1648 г. государства соединяются в первый раз для определения их территориальных прав и взаимных международных отношений. И это фактическое согласие народов легло в основание *положительного* международного права.

В течение XVII и XVIII столетий развитие международной жизни и международного права продолжается хотя медленно, но неудержимо и осознанно, согласно тому как развивался поступательно государственный строй европейских народов. Из этого следует, что временный застой и неправильное понимание государством своей разумной цели непременно должны были отразиться на международных отношениях и определяющем их праве. Выйдя победителем из вековой борьбы против феодальной системы, государство заимствовало у последней ее основание и возвело индивидуализм в верховный принцип своей внутренней и международной жизни. В этом начале выражается, конечно, присущий всякому государству личный и индивидуальный характер, с его правом на полную самостоятельность и уважение. Но если суверенитет государства признать верховным и исключительным принципом международной жизни, как это сделали государства XVII и XVIII столетий, тогда мы дойдем последовательно до такого отрицания международных отношений, в котором погибли классические народы древности. Государство, нет сомнения, представляется личностью, имеющей право и обязанность поддерживать и в случае надобности защищать свою самостоятельность и разумную цель народной жизни. Но так как человеческая жизнь не ограничивается пределами государства, а цель государства состоит в предоставлении человеку всех условий культурного его развития, то, очевидно, всякое государство или народ обязаны принимать участие в международной жизни, и поэтому *международное общение* является высшей задачей международного права. Сознание этой задачи коренится в правосознании цивилизованных народов, и выяснить его, найти формы, в которые оно могло бы вылиться, и подготовить таким образом путь для мирного прогресса международного общения – вот в чем заключается задача науки международного права.

II

Зародыш всякой науки коренится в тех поражающих явлениях окружающего мира, которые заставляют человека недоумевать и вызывают его любознательность. Человек

удивляется, прежде всего, покрытому звездами небу, страшным явлениям в окружающей его природе и, не успев еще убедиться в ограниченности своих мыслительных способностей, делает попытку обобщать в одном начале всю сущность и необозримую жизнь вселенной. Этим объясняется, что физика вселенной явилась раньше других естественных наук и что первые греческие философы желали вывести из одного начала, которым было или вода, или воздух, или огонь, все существа и явления вселенной. Только впоследствии, и обыкновенно весьма поздно, обращается человечество к исследованию составляющих обыденную жизнь явлений, и химия считается младшей в семье естественных наук, а политической экономии немногим более ста лет от роду.

Такой же ход развития представляет нам наука международного права; разница между нею и другими науками заключается лишь в том, что она и до настоящего времени не принималась за *исследование элементов и явлений действительной жизни*, не сделала даже попытки исследовать внутренние законы общения государств и международных отношений. Первые писатели по международному праву были поражены ужасными последствиями войн, и *войне* были посвящены их труды. Сюда относятся сочинения Виктории и Гентилиса (Vittoria and Gentili) о праве войны, появившиеся в XVI столетии. Но что служило им средством и основанием для уразумения существовавших в их время международных отношений и столкновений? Они заимствовали свои определения из римского и канонического права, следовательно, из источников, не признающих необходимости международных отношений.

Бесспорным основателем науки международного права считается ученый голландец Гуго Гроций, и в его сочинении «О праве войны и мира» война стоит на первом месте. В самом деле, Гроций, живший во время ужасной Тридцатилетней войны, был именно ею побужден сделать международные отношения предметом своих изысканий. Проникнутый истинно гуманным духом и любовью к справедливости, Гроций требовал смягчения варварских обычаев войны, хотя некоторой пощады для беззащитных и мирных подданных неприятельского государства. Из общежительного характера человеческой природы и основываясь на бесчисленных изречениях замечательных людей Древнего мира, Гроций выводит существование естественного права. Добытые таким путем истины он применил к международным отношениям. В этом заключается сущность его естественного (названного впоследствии философским) международного права. Рядом с естественным Гроций признает еще так называемое положительное международное право, основывающееся на выраженном согласии народов.

По этим двум направлениям разрабатывалось до сих пор международное право: у одних, как, например, у Пуфендорфа, преобладает исключительно естественное право, с полным отрицанием положительного; другие же, как, например, Вольф и Ваттель, следовали Гроциевой методе и соединяли предписания естественного права с проявившеюся в международных трактатах и обычаях волею государств. Далее такого соединения принципов естественного права с постановлениями международных договоров и обычаев еще не развилась, в течение 200 лет, наука международного права. И чем несноснее, замечает один современный писатель, становилось на земле, тем больше и больше в облаках парили представители этой науки. Непосредственной причиной этого явления было преобладание так называемого естественного права во всех рассуждениях писателей. Естественное право основывается на неизменяемости человеческой природы, и всякий почти писатель приступает к науке со своеобразными о ней понятиями и выводит, разумеется, своеобразные заключения.

Не отрицая нисколько, что в человеческой природе коренится источник всей общественной жизни, мы все-таки думаем, что и наука международного права не может ограничиться *только* выставлением начал, логически вытекающих из человеческой природы, но должна (как это уже и сделала, в отношении экономических отношений, наука политической экономии) обратиться к исследованию законов исторического раз-

вития народов в их международной жизни. Впрочем, правда, что наука наша — одна из младших отраслей в системе политико-юридических наук, и международная жизнь естественно должна отстать в своем развитии от других сфер человеческого общежития. «Ведь годы в жизни людей, — говорит Фаллати, — суть дни в бытии государств, а столетия в жизни народов — только год в жизни человечества». Однако при всем том мы того мнения, что причина застоя и недостаточного влияния науки международного права на международные отношения скрыта гораздо глубже. Даже самый пессимистический взгляд на современные международные отношения не может не усмотреть огромного прогресса. Между народами установились беспрестанные сношения; множество торговых трактатов предоставляют иностранным подданным почти те же права, какими пользуются собственные граждане; трактаты о литературной собственности, о регулировании эмиграции и натурализации, о выдаче преступников, об исполнении решений иностранных судов — все это доказывает, что действительно существует международное общение, в котором выказываются зачатки международной администрации. Но, странно сказать, представители науки почти не касаются всех этих важных вопросов.

Приступая к изучению международного права, юристы большею частью и не думали обращаться к исследованию существующих международных отношений. По привычке находить в источниках римского права ключ ко всем вопросам частной жизни, они признают до сих пор римское право главным основанием международного. Между тем мы видели, что вся римская история не что иное, как полное отрицание международной жизни и права. Но Римская империя пала, а римское право снова завоевало себе мир, и господство его оказалось в высшей степени пагубным для международного права. В области частного быта римское право оказало человечеству действительно огромные услуги, и великое его значение для гражданского права не подлежит никакому сомнению. Но в науке международного права оно привело к тому, что вместо исследования жизни и условий ее развития писатели занялись насильственным подведением развивающихся международных отношений под узкие понятия *Corpus juris*.

Вообще, пока в рассуждениях писателей будет просвечивать римское право, окружающая их жизнь останется для них непонятною и будет ими считаться отступлением от их предвзятых идей. Наука международного права должна обратиться к уразумению международной жизни, исследовать законы ее развития, чтобы затем, соответственно прогрессу жизни, выяснить поступательное развитие международного права и определить наконец согласно идее права тот юридический порядок, который необходим для мирного сожития народов. Поэтому, приступая к изучению международного права, мы должны разрешить прежде всего вопрос: в чем состоит международная жизнь?

III

Нет сомнения, что правильно постановкою многих вопросов современной политической жизни государственное право обязано выяснению понятия об обществе. Только в весьма недавнее время внимание науки было обращено на тот знаменательный факт, что люди, составляющие конкретный государственный организм, не представляются только совокупностью неделимых, находящихся в известных политических отношениях, охраняемых принудительною властью государства, но что в то же самое время они состоят между собою в общении, основанном на известных связях, возникающих из общих материальных и духовных интересов. Это общение или общество, связывающее людей стремлением к удовлетворению их материальных и духовных потребностей, не замыкается пределами одного государства, но распространяется на многие государства и может охватить, наконец, все народы. Таким образом, социальные или общественные отношения переходят в область международной жизни. Установление же общественных связей между людьми вытекает из врожденных человеку потребностей и стремления к полному развитию своих способностей, а следовательно, и не зависит непосредственно

от государства. Всякий же человек, будучи членом одной или нескольких общественных групп, думает найти в них возможность преследовать свои личные интересы. Однако принадлежность к конкретному общественному слою зависит не только от свободного выбора, но также и от слепого случая и общего происхождения. Влияние связей, соединяющих людей одинакового национального происхождения, очевидно и редко ограничивается пределами конкретного государства. Рассматривая внутреннее содержание установившихся общественных отношений, нельзя не видеть, что кроме племенных связей, соединяющих народы к социальной жизни, элементами являются: религиозные, этические или нравственные, духовные и экономические интересы и стремления.

Огромное влияние религии и тесные связи, устанавливаемые ею между людьми, рельефно выступают из истории культурного развития человечества. Вся история доказывает, что первые зачатки цивилизации и культуры коренятся в религиях народов. Религия соединяла семьи в одно целое рода, роды — в племя, племена — в один народ, и, наконец, христианство связывает все народы в необозримое единство человечества. В религии человек находил нравственную опору для борьбы с подавляющими силами внешнего мира, и потому религиозные связи между людьми были в то же самое время нравственными или этическими. Согласно присущей человеку природе он стремится к наилучшему развитию своих сил, и все, что удовлетворяет действительным и разумным потребностям человека, составляет его этическое благо. А так как идея блага есть всеобщий и объективный принцип всех человеческих деяний, то очевидно, что в стремлении к достижению блага сходятся все неделимые, и возникающая таким образом этическая связь бывает или шире, или уже, благодаря ограничивающему влиянию пространства и разнообразию культурного развития человечества.

Рядом с религиозными и этическими стремлениями и в тесной связи с ними развиваются духовные или научные интересы, сближающие людей и оказывающие непосредственное влияние на их взаимные отношения. На поприще науки встречаются люди всех вероисповеданий и национальностей, а крепкую связь соединения и дружного соревнования является общее стремление к истине. Исследуя законы бытия и условия его развития и подводя разнообразные явления физической и духовной жизни под общие понятия и идеи, наука распространяет повсюду свое благотворное влияние и продолжает свое дело просвещения даже во время возбужденных до ожесточения народных страстей и международной вражды. Так, наука политической экономии исследует законы человеческой деятельности, обращенной к присвоению себе материальных средств, необходимых для достижения жизненных целей. Она показывает нам человека в естественном стремлении удовлетворять своим физическим и духовным потребностям и свидетельствует, что промышленные и торговые интересы сближают людей и устанавливают между ними прочные социальные связи независимо от воли и действия государственной власти. До какой степени сильны экономические интересы, неопровержимо показывает нам опыт. Несмотря на индивидуальное понимание своих интересов и стремлений, все-таки экономическая деятельность одного человека включает в себе зародыш зависимости другого.

Но человека, преследующего свои экономические интересы, нельзя выделить от религиозных, этических и духовных его понятий и стремлений, и потому все рассмотренные нами отношения и связи, составляющие содержание социальной жизни, постоянно соприкасаются и обуславливаются. А так как эти связи возникают и часто существуют помимо государственной власти, простираясь далеко за границами данного государства, то очевидно, что пред нами открылась новая, необъятная область международных сношений и жизни. Мы называем социальные связи и отношения *новой* сферой международной жизни, потому что до сих пор писатели по международному праву не обращали на них почти никакого внимания. Преобладающим предметом их рассуждений были юридические отношения государств друг к другу. Таким образом то, что собственно

составляет международную жизнь и чем народы тесно и неразрывно связаны между собой, было ими большею частью оставлено в стороне.

Однако, при нашем взгляде на международную жизнь, весьма естественно возникает вопрос: в каком же отношении должно находиться государство к этим общественным и международным связям и интересам? Если все разнообразие общественных отношений, в которых складывается человеческая жизнь, сосредоточится в одном юридическом и политическом организме, и притом будет соединено правом и одною властью, то мы получаем понятие государства. Государство представляется обществом в его единой и правильной организации, под одною верховною властью. Оно охватывает всю народную жизнь, ограничивает эгоистичные стремления неделимых и общественных групп; определяет посредством *права* их соотношения и *силой* охраняет установившийся таким путем юридический порядок. Следовательно, общественные стремления и связи обратились в содержание государственной жизни народов, заключающейся в постоянном взаимодействии между обществом и государством.

Но в государственном строе, в который уложились социальные группы, они не только не отказываются от преследования своих интересов, но неумолимо стремятся к завладению государственной властью для лучшего их удовлетворения. Поэтому преобладающие в конкретном государстве общественные связи и интересы налагают печать своей особенности на политическую ее жизнь и на международные отношения. Из правильного понятия о государстве и культурной жизни выходит, что ни государство, ни право не составляют, вообще, творческих и причинных сил народной жизни, но как право, так и государство являются, с одной стороны, продуктом окружающей природы, а с другой — национальных, религиозных, этических, духовных и экономических сил и элементов. Народ же есть субъект международного права, и потому очевидно, какое решительное влияние на ход международной политики имеют социальные связи и интересы, существующие в данном народе и распространяющиеся за пределы государственной территории. И действительно, общественные стремления и интересы сближают народы, определяют духовное их родство и служат источниками всех прочных и немимолетных союзов между государствами или народами. На основании всего сказанного я надеюсь, что будет понятно, почему необходимо ввести в систему науки международного права рассмотрение отношений государств как субъектов международного права к различным социальным группам и связям или, в частности, к религии и церкви, к наукам и искусствам, к промышленности и торговле. Международная жизнь коснулась уже в трактатах этих вопросов, но наука редко о них упоминает.

До сих пор мы старались показать, каким образом социальные интересы и связи легли в основание международной жизни и политики. Остается еще выяснить, какое на них влияние имеет государство или организованный для достижения одной общей жизненной цели народ. Индивидуальность, дошедшую до самосознания и самоопределения, мы называем личностью, и государство представляется в полном смысле личностью, с присущею ему волей и способностью действовать. Но подобно тому, как лицо индивидуальное находит разумное основание своего бытия в своей цели, достижение которой только и возможно в общении с другими, так точно цель государств — предоставление человеку условий всестороннего его развития — осуществима только в совокупной жизни государств и требуется существом государственной личности. Следовательно, необходимость соединения народов для определения юридического порядка своего существования в *обществе государств* и для полного, гармонического развития всех социальных интересов и стремлений, их соединяющих, вытекает из самой природы государства. И так как необходимым условием такого развития является *право*, то очевидно, что только международное право предоставляет всем юридическим отношениям, как частному, так и государственному праву, последнюю гарантию. И несмотря на все недостатки, присущие и до сих пор международному праву, несмотря на отсутствие

в международных отношениях охраняющего право суда, все-таки услуги, оказанные им культурному развитию народов, действительно велики и не отрицаемы. Вот почему я не начал этой первой лекции, как это принято, доказательствами о реальном существовании международного права. Международная жизнь существует и не нуждается в оправдании своего существования; международное право определяет ее, под его защитой происходит обмен *всех* человеческих отношений, а всякому отношению соответствует известное право. Вот разумное основание международных отношений и санкция науки международного права. Международное общение основывается на общих религиозных, этических и духовных связях и осознательным образом проявляется в споспешествовании государствами друг другу при достижении общих политических, общественных и индивидуальных целей. Из этого следует, что так как мирозерцание и культурное развитие народов определяются именно социальными стремлениями и своеобразным пониманием своих жизненных целей, то международное право может иметь обязательную силу только для народов существенно равной культуры и цивилизации, имеющих одинаковые воззрения на право и нравственность. Поэтому юридические нормы международного права прежде всего обязательны для народов европейской цивилизации. Но согласно развитию социальных связей между народами расширяются также пределы международного общения и распространяется обязательная сила норм международного права. Уже теперь название: *европейское* международное право оказывается слишком узким.

Если изложенные мысли заключают в себе долю истины, то дальнейшее развитие международного права, очевидно, зависит от прочности и разнообразия социальных связей между народами и от целесообразного определения вытекающих из них юридических отношений. И так как международное право состоит в совокупности юридических норм, определяющих условия культурного развития народов в их международной жизни, то прежде всего необходимо всесторонне выяснить понятие народа или государства как субъекта международного права, а затем условия или законы их культурного развития.

К сожалению, наука международного права не обращала до сих пор должного внимания на народ как субъект права. Она определяла правоспособность государства и вытекающие из нее права и обязанности в отношении других государств, переходила затем к правам вещным и по обязательствам, не предпослав сперва, как это делается в частном праве относительно лица, рассмотрение существа народа и вытекающих из него неотъемлемых и существенных прав. Между тем только по выяснении условий происхождения народа и его существа мы в состоянии будем вникнуть в законы развития международной жизни. Поэтому этот огромный пробел непременно должен исчезнуть из международного права, если народ считается его субъектом. Эти крайне необходимые для уразумения существа народов и международной жизни данные наука международного права должна заимствовать из вспомогательных наук, чтобы подвести их под юридические начала.

Таковыми вспомогательными для лучшего выяснения и определения международных отношений средствами или науками являются, по моему мнению, антропология, а в особенности физиология и психология народов, и история. Народ понимается этими науками как живой организм, естественным основанием которого служит земля; поэтому необходимо знать физические законы этого организма и определить влияние на народную жизнь природы, почвы, климата, пищи и т. д. Физиология народов послужит также для научного выяснения встречаемых даже у самых варварских и диких народов зачатков международных сношений и исполняемых, в известных торжественных случаях, обрядов. И физиология жизни и природы народов в теснейшей связи с историей раскроют нам существо и условия их происхождения и развития международной жизни.

С другой стороны, народ не состоит из суммы неделимых или атомов; для понимания его органического единства и господствующих в нем социальных интересов и стрем-

лений мы должны отыскивать в народах ту внутреннюю связь и тот социальный принцип, в которых выражается единство их жизни, характера и индивидуальность. Эта внутренняя связь, соединяющая множество неделимых в органическое целое народа и придающая ему особенную индивидуальность, есть идея или дух народа. Следовательно, психология народов должна служить важным пособием для уразумения жизни и отношений народов. Но хотя между народами европейской цивилизации, культуры установились общие социальные связи и существенно одинаковые воззрения на жизненные цели и право, так что нельзя не видеть между ними известной внутренней связи и более или менее гармонического согласия в духовной их деятельности и этических стремлениях (в чем именно состоит единство международного общения), все-таки современное международное право рассматривает народы как самостоятельные и своеобразные организмы, преследующие каждый, помимо общей цели, свою индивидуальную жизненную цель. Поэтому понятно, что народы в преследовании своих индивидуальных интересов непременно приходят в столкновения. Каким же образом избегнуть этих столкновений и согласить разнообразие их стремлений с разумными требованиями необходимого международного общения? Пред нами, очевидно, два фактора всякого общения и всякой социальной жизни: с одной стороны, присущее влечение к общезжитию, а с другой — врожденный человеку и народу эгоизм и индивидуальная исключительность. Но неизменный этический закон человеческого развития, заключающийся в неотложной необходимости для неделимых умножить свои ограниченные силы посредством общения с другими, имеет полное свое применение также в отношении народов.

Мы уже видели, что внутреннее содержание общения народов есть международная их жизнь и что цель ее заключается в общей цели человеческой жизни и права. Современные культурные народы суть только моменты всемирной жизни; они не существуют ни для обоюдного отчуждения, ни для постоянной вражды, но напротив того, их соединяет одна человеческая природа, одна культурная цель, одинаковые социальные стремления и связи и единое чувство права. Государства необходимо принимают участие в политическом и культурном развитии других народов, и мероприятия, которыми они намереваются содействовать прогрессу своих собственных граждан, непременно должны отозваться в течение времени на международные их отношения. В этом выказывается непреодолимое влияние существующих между народами социальных интересов и связей. Для блага самих государств крайне необходимо, чтоб они никогда не упускали из виду той великой истины, что несмотря на бесконечное разнообразие человеческих отношений и действий, между ними все-таки существует внутренняя связь, в силу которой преуспевание одного является моментом и условием развития другого.

Поэтому, если б государства постоянно имели в виду свою тесную связь с другими государствами, если б они всегда сознавали, что их собственное реальное развитие *немыслимо* вне гармонического развития и без взаимности интересов с другими народами — тогда разорение соседей и уничтожение их материального благосостояния не явились бы задачами государственной политики и целью войны. Выяснить же действительные интересы народов в их взаимных отношениях и стремлениях, привести их к сознанию крайней необходимости гармонического развития международной жизни и, наконец, подвести все законы и явления под общие юридические понятия и определения — вот к чему должна стремиться наука международного права. И международное право тогда только будет стоять на твердом фундаменте, когда естественные и исторические законы развития народов будут выяснены и должным образом уважаемы в международных отношениях. Тогда только обнаружится, что международная политика, имевшая действительный успех и благотворные последствия, не была делом слепого случая, но соответствовала условиям и требованиям исторического развития народа. Для того чтобы понять международную жизнь, необходимо изучить законы исторического ее развития и дать им в международном праве юридическое выраже-

ние. Тогда только международные отношения перестанут быть шаткими, и народам не будут навязываться в трактатах оковы, которые могут препятствовать естественному и неукротимому их развитию. Мирные договоры, сообразуемые с условиями культурного развития народа, не будут содержать в себе зародыша неминуемого их нарушения и устранения. Когда таким образом будет признано неотъемлемое право народов на всестороннее развитие своей жизни и индивидуальных способностей, тогда осуществляются знаменитые слова Савиньи, что «государство есть та внешняя форма, в которую естественным образом вылилась внутренняя жизнь народа», и тогда будет достигнута высшая цель международного права – обеспечение наилучшего развития общечеловеческой культуры и личного права человека.

Вот, милостивые государи, та великая задача, которую поставила себе наука международного права. Первым шагом к удовлетворительному ее разрешению должно быть беспристрастное и критическое к ней отношение. Я нисколько не скрыл от вас существенных недостатков и пробелов, замеченных мною в современной обработке международного права, но, с другой стороны, позвольте мне надеяться, что я успел вам выяснить огромное значение международного права и его роль в ряду остальных политико-юридических наук. И чем мрачнее горизонт современных международных отношений, чем сильнее возбуждены народные страсти, тем больше чувствуется человеком необходимость требовать повсюду уважения к *праву* как залогов всякого разумного развития. Нет, *никогда* грубая сила не восторжествует окончательно над правом; никогда жалкая теория совершившихся фактов не заглушит в нас чувства правды и справедливости. Пред силою преклонялись народы Древнего мира; кулачное право царствовало в средних веках; но современными культурными народами управляет одна верховная идея всестороннего, всеобъемлющего прогресса. Поэтому с непоколебимою верою в прогрессивное развитие международной жизни и человечества и в глубоком убеждении, что идея развития есть высший закон жизни и права, приступаю я к преподаванию науки международного права.